

УДК / UDC 316.647: 94(470)

**Коммеморативные нарративы
о Великой Отечественной войне
в сознании студенческой молодежи
(на примере Волгоградского
государственного университета)**

Екатерина Олеговна Беликова¹, Дмитрий Юрьевич Ильин²

**Commemorative Narratives
of the Great Patriotic War in the Minds of Student Youth:
A Case Study of Volgograd State University**

Ekaterina O. Belikova¹, Dmitry Y. Ilyin²

¹ Волгоградский государственный университет (100, Университетский просп., 400062 Волгоград, Российская Федерация) ¹ Volgograd State University (100, Universitetsky Av., 400062 Volgograd, Russian Federation)

кандидат социологических наук, доцент Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0002-8686-1770. E-mail: eo_belikova[at]volsu.ru

² Волгоградский государственный университет (100, Университетский просп., 400062 Волгоград, Российская Федерация) ² Volgograd State University (100, Universitetsky Av., 400062 Volgograd, Russian Federation)

доктор филологических наук, профессор Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-6387-757X. E-mail: dilyin[at]volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и структуры исторической памяти о Великой Отечественной войне среди студенческой молодежи. Акту-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Беликова Е. О. (Belikova E. O.), Ильин Д. Ю. (Ilyin D. Y.), 2025

альность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов трансляции коллективной памяти в условиях смены поколений и активизации дискурсов, направленных на пересмотр итогов Второй мировой войны. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования 451 студента Волгоградского государственного университета, проведенного в 2025 г. Методология исследования основана на структурно-функциональном анализе, позволяющем выявить устойчивые элементы и лакуны в историческом сознании молодежи. В работе системно исследуются такие аспекты, как уровень интереса к теме, репертуар источников знания, глубина усвоения ключевых исторических фактов и персоналий, роль культурного канона в формировании представлений, а также оценочные суждения о вкладе СССР в Победу. Научная новизна заключается в комплексном подходе к изучению памяти в ее региональном измерении, поскольку Волгоград представляет собой уникальный «case» «города-памяти». Делается вывод об эффективности существующей системы патриотического воспитания, но отмечается необходимость ее адаптации к новым коммуникативным реалиям.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, студенческая молодежь, коллективная идентичность, Волгоград

Для цитирования: Беликова Е. О., Ильин Д. Ю. Коммеморативные нарративы о Великой Отечественной войне в сознании студенческой молодежи (на примере Волгоградского государственного университета) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 85–96. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-85-96

Abstract. The article analyzes the state and structure of the historical memory of the Great Patriotic War among student youth. The relevance of the study is determined by the need to examine the mechanisms of transmitting collective memory in the context of generational change and the intensification of discourses aimed at revising the outcomes of the Second World War. The empirical base consists of the results of a survey of 451 students from Volgograd State University, conducted in 2025. The research methodology is based on structural-functional analysis, which allows to identify stable elements and lacunae in the historical consciousness of youth. The work systematically examines aspects such as the level of interest in the topic, the repertoire of knowledge sources, the depth of assimilation of key historical facts and personalities, the role of the cultural canon in shaping perceptions, as well as evaluative judgments about the USSR's contribution to the Victory. The scientific novelty lies in the comprehensive approach to the process of studying the memory in its regional dimension, since Volgograd represents a unique case of a “memory city.” The conclusion is drawn on the effectiveness of the existing system of patriotic education, but the need for its adaptation to new communicative realities is noted.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, student youth, collective identity, Volgograd

For citation: Belikova E. O., Ilyin D. Y. Commemorative Narratives of the Great Patriotic War in the Minds of Student Youth: A Case Study of Volgograd State University. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 85–96. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-85-96

1. Введение

Историческая память, понимаемая как социально конструируемый и транслируемый комплекс представлений о прошлом, является фундаментальным элементом коллективной идентичности и важным объектом социологического анализа. В современном российском обществе память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. сохраняет статус ключевого «места памяти», выполняющего консолидирующую и ценностно-образующую функции. Однако в условиях естественной смены поколений, когда уходят непосредственные носители «живой» памяти — ветераны, и на фоне активизации дискурсов, направленных на ревизию истории Второй мировой войны в целом, процессы трансляции и актуализации этого наследия приобретают особую остроту и социальную значимость. Так, например, М. Хальбвакс своих работах «Коллективная и историческая память» [Хальбвакс 2005] и «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс 2007: 48–324] выделял «фигуры памяти» — формы, через которые передается память. Теоретической основой исследования также выступили концепции коммеморативных практик [Нора 1999: 17–50] и культурной памяти [Ассман 2004: 214–340].

Проблема заключается в необходимости диагностики текущего состояния исторической памяти у молодежи, являющейся основным реципиентом опосредованных форм знания о прошлом. Насколько эффективно функционируют традиционные каналы социализации (семья, система образования)? Каково соотношение традиционных и новых медиа в формировании представлений о войне? Какова структура этих представлений — какие события, персоналии и символы составляют ее ядро, а какие оказываются на периферии? Ответы на эти вопросы имеют не только академическое, но и сугубо практическое значение для выработки эффективной стратегии государственной политики памяти и патриотического воспитания.

Особый научный интерес представляет региональный аспект данной проблемы. Например, Волгоград, как топоним-символ Сталинграда, представляет собой уникальный «case» «города-памяти» [Ильин 2020: 112], где глобальное историческое событие вписано в локальный ландшафт и повседневность. Исследование памяти в таком контексте позволяет выявить не только общероссийские тенденции, но и специфику, обусловленную региональной идентичностью.

Особый интерес представляет студенческая среда, которая является, с одной стороны, реципиентом формального исторического образования, а с другой — наиболее активным потребителем информации из цифровых и медийных источников. Как отмечают Н. В. Дулина и Р. М. Петрунева, «именно в студенческой среде наиболее рельефно проявляется конфликт между институционально транслируемым знанием и альтернативными интерпретациями, циркулирующими в медиасреде» [Дулина и др. 2022: 36–48]. Изучение мнемонических процессов в этой группе позволяет не только диагностировать актуальное состояние коллективных представ-

лений о прошлом, но и экстраполировать тенденции их эволюции в среднесрочной перспективе. Изучение исторической памяти этой социальной группы позволяет диагностировать не только текущее состояние коллективных представлений о прошлом, но и выявить тенденции их изменения в ближайшей перспективе. Многие российские исследователи часто связывают феномен патриотизма со знанием истории России и отношением к событиям Великой Отечественной войны. В современных условиях особенно важно сформировать историческую память молодежи, понимание ею смысла и значимости Великой Победы, гордости за поколение победителей. Как справедливо отмечают Ю. Р. Вишневский и его коллеги, «историческая память ... не является раз и навсегда данным феноменом, она постоянно воспроизводится и переосмысливается в контексте современных общественных запросов» [[Спасибо прадеду 2020: 45](#)].

Целью исследования является социологический анализ трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческой среде на примере студентов г. Волгограда — города, имеющего уникальный символический статус в истории войны. Исследование приурочено к 80-й годовщине Победы, что придает ему особую значимость в контексте юбилейных мероприятий и актуализации военной тематики в публичном пространстве.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решались следующие взаимосвязанные задачи:

- оценить общий уровень интереса студенческой молодежи к истории Великой Отечественной войны и выявить его корреляцию с самооценкой информированности;
- определить иерархию значимости каналов и источников получения знаний о войне, проанализировав соотношение роли институциональных (школа, вуз), семейных и медийных агентов социализации;
- реконструировать структуру исторических знаний респондентов через анализ узнаваемости ключевых событий, исторических личностей (военачальников, героев) и хронологических фактов;
- исследовать роль культурного канона (художественная литература, кинематограф, музыка) в качестве ретранслятора коллективной памяти;
- проанализировать систему оценочных суждений студентов, касающихся вклада СССР и стран-союзников в Победу, а также их отношение к дискуссионным точкам исторического нарратива;
- выявить особенности региональной памяти, связанные с осознанием вклада Волгограда / Сталинграда в Победу и состоянием мемориальной культуры в городе.

Решение этих задач позволит не просто зафиксировать уровень информированности, но и выявить латентные структуры коллективных представлений, их сильные стороны и «узкие места», что является необходимой основой для корректировки образовательных и воспитательных практик.

2. Материал и методология

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетирования, проведенного в феврале-марте 2025 г. среди студентов Волгоградского государственного университета (ВолГУ). Выборочная совокупность составила 451 человек, что обеспечивает репрезентативность для данного типа исследования. Выборка целевая, квотная, репрезентирующая генеральную совокупность студентов ВолГУ по курсам и факультетам. Согласно данным, 53,66 % респондентов являются уроженцами Волгограда, а 20,62 % — Волгоградской области, что в совокупности (74,28 %) подтверждает релевантность регионального контекста для анализа. Исследование проводилось в рамках мониторинга Российского общества социологов (РОС) «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010, 2015, 2020, 2025 гг.) [Вишневский и др. 2020]. Результаты предыдущих этапов представляют интерес и как объясняющие реальную ситуацию в момент проведения замера, так и для отслеживания динамики как на уровне РФ, так и в регионах страны.

В качестве основного метода анализа данных использовался структурно-функциональный подход, позволивший рассмотреть историческую память как систему взаимосвязанных элементов (знания, оценки, символы), выполняющую определенные социальные функции (интегративная, идентификационная, легитимирующая).

3. Основная часть

3.1. Уровень интереса и самооценка информированности

Данные исследования свидетельствуют о высоком уровне актуальности темы Великой Отечественной войны для студенческой аудитории. Подавляющее большинство респондентов — 87,81 % — выразили интерес к истории войны: 39,69 % ответили «Да, очень» и 48,12 % — «Интересует». Лишь 1,33 % опрошенных указали на отсутствие интереса (см. табл. 1). Это опровергает тезис о тотальной исторической аполитичности молодежи и свидетельствует о сохранении высокого символического статуса темы войны.

Таблица 1. Уровень интереса студентов к истории Великой Отечественной войны, (в %)

Значения	%от опрошенных
1. Да, очень	39,69
2. Интересует	48,12
3. Мало интересуется	10,86
4. Не интересуется	1,33
Итого ответивших:	100

Источник: [ПМА 2025].

При этом обсуждение темы в личном общении носит в значительной степени ритуализированный характер: 53,22 % обсуждают ее «в связи с памяtnыми датами». Это указывает на календарную, событийную ак-

туализацию памяти, приуроченную к таким датам, как 9 мая, 2 февраля, 22 июня. Самооценка информированности распределилась следующим образом: 38,80 % студентов считают свои знания достаточными, а еще 29,71 % отмечают, что знаний «не совсем» хватает, но их это устраивает. Лишь 9,31 % чувствуют острую нехватку знаний. Среди препятствий для углубления знаний доминирует «недостаток времени» (50 %), что является типичным для современного студенчества, а также «лень» (13,46 %).

Абсолютное большинство студентов (85 %) выразили глубокое уважение к поколению победителей. Это подтверждает устойчивость ядра патриотического нарратива, в центре которого — героизм народа и сакральный статус Победы. Однако выявлен существенный разрыв между декларируемым уважением и практической вовлеченностью: лишь 15 % респондентов готовы лично участвовать в волонтерских акциях по помощи ветеранам. Это указывает на формирование дистанционного, почитающего, но не деятельного отношения к наследию войны. В отечественной научной традиции патриотизм нередко коррелирует с глубиной усвоения истории, где события Великой Отечественной войны выступают ключевым маркером. В российском научном дискурсе прочная связь между патриотизмом и историческим сознанием часто устанавливается через призму восприятия Великой Отечественной войны. Данный исторический сюжет, занимая центральное место в коллективной памяти, неизбежно оказывается в эпицентре идеологических споров и интерпретаций [Козлов 2015: 7–17].

3.2. Каналы трансляции исторического знания

Анализ источников получения знаний (табл. 2) выявил устойчивую иерархию их значимости. Абсолютными лидерами, формирующими историческую память, являются традиционные, институциональные и семейные каналы.

Таблица 2. Источники знаний
о Великой Отечественной войне (% , множественный выбор)

Значения	% от опрошенных
2. Учителя	87,8
1. Школьные учебники	85,37
4. Рассказы родных	66,74
17. Исторические музеи	64,3
5. Советские художественные фильмы	64,08
11. Художественная литература	47,23
3. Преподаватели вуза	46,12
7. Советские документальные фильмы	45,68
16. Экскурсии по историческим местам, связанным с историей ВОВ	44,57
6. Современные художественные фильмы	41,46
15. Социальные сети в Интернете	41,24
13. Телепередачи	38,14
8. Современные документальные фильмы	35,03

9. Общение с ветеранами, знакомство с их воспоминаниями	33,7
18. Стенды, сайты учебного заведения	18,4
12. Мемуары полководцев	15,08
10. Научные исследования	14,86
14. Сайты «Дорога памяти», «Память народа» и др.	12,2
19. Радиопередачи	9,09
20. Другое	1,55

Источник: [ПМА 2025].

Иерархия каналов формирования исторических представлений демонстрирует сложную гибридную модель с явным смещением в сторону медиасреды [Григорьев, Чистяков 2022: 111]. Представленный рейтинг демонстрирует высокий уровень доверия к формальным агентам социализации (школа) и классическому культурному наследию. Школа, таким образом, остается системообразующим институтом формирования исторического сознания [Широкалова 2023: 20]. Примечательно, что советское кинематографическое наследие сохраняет свое влияние, выступая мощным эмоциональным проводником в историческую эпоху.

Новые медиа (социальные сети — 41,24 %), современные художественные фильмы — 41,46 %) играют заметную, но все же дополнительную или даже, второстепенную роль. Важно отметить, что такой источник, как «общение с ветеранами», отмечают лишь 33,70 % респондентов, что объективно отражает уход из жизни, поколения непосредственных участников событий и переход к полностью опосредованной памяти.

3.3. Структура исторических знаний

Анализ фактических знаний выявил их мозаичный, фрагментарный характер с выраженной «пикообразной» структурой, где отдельные символические события и фигуры резко выделяются на фоне общего информационного вакуума. Проведенный анализ эмпирических данных позволяет концептуализировать структуру исторических знаний о Великой Отечественной войне в студенческой среде через призму модели «ядро-периферия» [Тощенко 2020: 18]. Эта модель объясняет то, как функционирует коллективная память в условиях информационной фрагментации. Ядро формируется ограниченным набором высокозначимых, часто ритуализированных символов — событий, дат и персоналий, обладающих максимальным уровнем узнаваемости и устойчивости. Периферия же состоит из менее актуализированных, хотя и важных с исторической точки зрения, элементов, знание о которых носит спорадический и неустойчивый характер. Выявленная «пикообразная» структура знаний, где несколько смысловых вершин резко доминируют на фоне обширных информационных лакун, является наглядным подтверждением действия данной модели [Репина 2004: 39–52].

Данные исследования отражают строгую стратификацию в узнаваемости исторических личностей, что позволяет реконструировать свое-

образный «пантеон героев» в коллективной памяти студенческой молодежи. Среди выдающихся военачальников наиболее узнаваема фигура Г. К. Жукова (90,07 %), которая транслируется как архетип «Маршала Победы», концентрируя в себе представления о военном руководстве и стратегическом гении. Его образ является не просто самым узнаваемым, но и выполняет функцию метонимии, замещая собой всю многосложную деятельность советского генералитета. Значительно уступают ему К. К. Рокоссовский (58,60 %), А. М. Василевский (25,42 %) и И. С. Конев (24,94 %). Это свидетельствует о том, что в ядро памяти входит, как правило, один доминирующий символ, в то время как другие, даже ключевые фигуры, оттесняются на периферию, их знание становится уделом более подготовленной части аудитории.

В ядре памяти закрепляются образы, кристаллизующие ключевые нарративы о массовом героизме и самопожертвовании советского народа. Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Василий Зайцев — эти имена становятся символами стойкости партизан, самопожертвования солдата и мастерства снайпера. Среди пионеров-героев лидируют Валя Котик (52,73 %) и Леня Голиков (43,27 %). При этом тот факт, что 24,83 % респондентов не смогли назвать ни одного имени партизана, указывает на процесс маргинализации целого пласта истории, связанного с народным сопротивлением на оккупированных территориях. Он постепенно перемещается из ядра на периферию коллективной памяти. Фигуры А. И. Pokрышкина (38,26 %) и И. Н. Кожедуба (37,10 %) сохраняют устойчивую позицию, однако их узнаваемость уже существенно ниже, чем у «маршала-символа» Г. К. Жукова. Это позволяет отнести их к устойчивой периферии, близкой к ядру, но не входящей в него полностью.

Структура знаний о событиях войны также подчиняется логике «ядро – периферия». Продemonстрировано уверенное знание ключевых, ставших частью национального кода, дат. Дату начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) корректно указали 75 % респондентов. Абсолютным ядром событийной памяти для волгоградских студентов является, на наш взгляд, Сталинградская битва (86,94 %). Это яркий пример того, как локальная идентичность, подкрепленная физическим присутствием в «месте памяти», мощно усиливает и актуализирует общенациональный нарратив, выводя его на первый план. Далее с заметным отрывом следуют Курская битва (52,02 %), Битва за Москву (49,88 %) и Блокада Ленинграда (40,62 %), формируя устойчивое, но менее концентрированное смысловое ядро. Кроме того, студенты показали осведомленность о продолжительности блокады Ленинграда (872 дня — 72,95 %) и о географической локализации операции «Багратион» (Белоруссия — 77,38 %), что свидетельствует о том, что эти факты, будучи тесно связанными с ключевыми событиями (блокада, масштабное наступление), успешно интегрированы в ядро памяти. В то же время такой факт, как первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода, известен лишь 40,97 % опрошенных. Это указывает на процесс «естественного отбора» в памяти: сохраняются наиболее масштабные

и символически нагруженные вехи, в то время как менее глобальные, но значимые исторические маркеры постепенно стираются, мигрируя на периферию [Гриценко 2021: 161].

Каналы трансляции памяти имеют первостепенное значение для формирования ее структуры. Культурные продукты (кино, литература, музыка) выступают в роли мощных матриц, задающих эмоциональные и образные коды восприятия истории. Классика советского кинематографа («А зори здесь тихие» — 37,11 %, «В бой идут одни старики» — 18,42 %, «Они сражались за Родину» — 17,89 %) продолжает удерживать лидирующие позиции, формируя визуальный ряд ядра памяти. Примечателен тот факт, что современный фильм «Т-34» (14,74 %) находится на четвертом месте, опережая многие классические ленты. Это свидетельствует об эффективности новых визуальных и нарративных форматов в актуализации исторической темы для молодежной аудитории и их потенциальной возможности влиять на структуру памяти в будущем.

Наиболее читаемыми и узнаваемыми произведениями остаются повесть Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие» (41,64 %), поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин» (30,77 %) и рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» (30,24 %). Эти тексты формируют литературный канон, закрепляющий в сознании ключевые сюжеты и человеческие типы военного времени [Дулина, Беликова 2020: 257]. Безусловным музыкальным символом эпохи является песня «Катюша» (63,22 %), выполняющая роль мнемонического маркера. В ядре аудиальной памяти закреплены и «День Победы» (28,85 %) и «Священная война» (28,13 %).

Память не сводится к сумме знаний; она включает в себя оценочные суждения, формирующие ее аксиологический каркас. Так, абсолютное большинство (84,48 %) считают вклад СССР основным, что отражает устойчивость центрального тезиса национальной исторической наррации о решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма. Вклад союзников оценивается преимущественно как «значительный», но не основной. Подавляющее большинство (80,71 %) согласны с фактом массового уничтожения мирных жителей на оккупированных территориях, что свидетельствует об усвоении важнейшего морально-этического урока войны.

Для студентов ВолГУ война — это не абстрактное историческое событие, а часть локальной, «укорененной» истории. Так 76,72 % респондентов знают, что их родной город подвергался бомбардировкам. Осведомленность о вкладе местной промышленности в Победу (производство танков — 59,79 %, автомобильной техники — 48,80 %) и высокая оценка состояния памятников (84,70 % считают его хорошим или удовлетворительным) подтверждают гипотезу о том, что региональная идентичность, подкрепленная материальными артефактами и знанием о локальном вкладе, выступает мощным катализатором и усилителем общенационального исторического нарратива. Память о Великой Отечественной войне, в частности Сталинградская битва и памятник «Ро-

дина мать зовет», были определены как показатель относительной особенности социокультурного ландшафта Волгоградской области. Определена символика, которая может послужить символом формирующейся пространственной идентичности [Плещенко и др. 2022: 34]. Регион в данном случае становится живым носителем памяти, а знание о войне обретает черты личностно значимого опыта.

Таким образом, структура исторических знаний о Великой Отечественной войне в студенческой среде представляет собой динамическую систему с четко очерченным, устойчивым ядром, состоящим из ключевых символов и ценностей, и обширной, размытой периферией. Современные интерпретации патриотизма формируются вокруг локальной идентичности. Молодые люди включаются в волонтерские проекты, организованные не сверху, а самостоятельно — по восстановлению исторических объектов, созданию выставок, экскурсий с более глубоким пониманием судьбы домов, улиц, районов. Эта структура формируется под воздействием сложного взаимодействия официального нарратива, культурного канона, регионального контекста и развивающейся у молодежи критической рефлексии.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое значение для социологии, так и практическую ценность для образовательной и воспитательной политики.

1. Интерес к теме Великой Отечественной войны среди студенческой молодежи остается стабильно высоким, что опровергает тезисы о ее маргинализации в молодежной среде. Память о войне продолжает выполнять мощную интегративную функцию, являясь элементом гражданской идентичности.

2. Сформировано устойчивое ядро исторической памяти, представляющее собой канонизированный набор символов, событий и персоналий. Это ядро эффективно транслируется через систему формального образования и классическое культурное наследие.

3. Глубина исторических знаний носит избирательный характер. Высокая осведомленность о ключевых, «символических» фактах сочетается с фрагментарностью знаний о менее освещаемых в массовой культуре и образовательном дискурсе аспектах. Это создает риск «уплощения» исторической картины.

4. Традиционные институты (школа, семья) и классическое искусство (советское кино) остаются доминирующими агентами социализации в сфере исторической памяти. Новые медиа занимают подчиненную, комплементарную позицию.

5. Региональный компонент («Сталинградский текст») является мощным усилителем памяти, обеспечивая персонализацию и эмоциональную насыщенность исторического знания через связь с «местом памяти».

Источники

ПМА 2025 — Материалы анкетирования. Опрос студенческой молодежи Волгограда 2025 г.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Вишневский и др. 2020 — *Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В.* Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта российского общества социологов) // Социум и власть. 2020. № 2(82). С.124–125.
- Григорьев, Чистяков 2022 — *Григорьев С. А., Чистяков А. Н.* Трансформация значения и роли традиционных «мест памяти» в российском обществе // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2022. № 3(29). С. 103–116.
- Гриценко 2021 — *Гриценко Г. Д.* Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтнического общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172. DOI 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172
- Дулина, Беликова 2020 — *Дулина Н. В., Беликова Е. О.* Симулякры памяти: студенты Волгограда о художественных произведениях, отражающих события Великой Отечественной войны (по итогам опроса студентов Волгограда) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 3-х ч. (г. Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Ч. 1. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2020. С. 255–265.
- Дулина и др. 2022 — *Дулина Н. В., Петрунева Р. М., Васильева В. Д.* [и др.]. ПАТРИОТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН? (Об отношении к событиям и фактам истории Великой Отечественной войны современных российских студентов и соотечественников, проживающих за рубежом: сопоставительный анализ) / // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 35–45. DOI 10.20339/AM.03-22.035.
- Ильин 2020 — *Ильин Д. Ю.* Меморативы в топонимическом пространстве города // Перспективные направления современной лингвистики: Сб. науч. трудов Междунар. науч.-теорет. конф. (г. Москва, 15–16 октября 2020 г.) / под ред. В. В. Воробьева, Д. С. Скнарева, М. Л. Новиковой. М: Российский университет дружбы народов, 2020. С. 261–265.
- Козлов 2015 — *Козлов Н. Д.* Союзники и противники о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 7–17.
- Нора 1999 — *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 1999. С. 17–50.
- Плещенко и др. 2022 — *Плещенко А. Н., Беликова Е. О., Дулина Н. В.* Пространственная идентичность как конструкт социокультурного ландшафта региона (на примере Волгоградской области) // Primo Aspectu. 2022. № 4(52). С. 31–38. DOI 10.35211/2500-2635-2022-4-52-31-38
- Репина 2004 — *Репина Л. П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.
- Спасибо прадеду 2020 — Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной вой-

- не» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 352 с.
- Тощенко 2020 — *Тощенко Ж. Т.* Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–21. DOI: 10.31857/S013216250009419-3
- Хальбвакс 2005 — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный (дата обращения: 21.10.2025).
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Широкалова 2023 — *Широкалова Г. С.* Цивилизационная идентичность россиян: с востока на запад, с юга на север // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов участников Девятого международного научного форума (с. Кабардинка, г. Геленджик, 21–24 сентября 2023 г.). Краснодар: Институт наследия, 2023. 240 с.